

Аэлита.
Tenna
Liss Мельникова

Нулевой
век.
Век
зарождение
жизни
—
Жадность

Аэлита. Tenna Liss Мельникова

**Нулевой век. Век зарождение
жизни - Жадность**

«Автор»

2026

Мельникова А. А.

Нулевой век. Век зарождение жизни - Жадность /
А. А. Мельникова — «Автор», 2026

Продолжение новеллы Нулевой Век. Во истину жадность - смертный грех.
Если организация Черная Розаи вожелает больше чем смогут откусить, что
будет тогда?

© Мельникова А. А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Конец ознакомительного фрагмента.	11

Аэлита. Tenna Liss Мельникова

Нулевой век. Век зарождение жизни - Жадность

Глава 1

НУЛЕВОЙ ВЕК. ВЕК ЗАРОЖДЕНИЯ ЖИЗНИ: ЖАДНОСТЬ

Вступительная часть автора

Здравствуй, дорогой читатель. Сегодня мы начнём вступление к книге с такого греха, как жадность. Ибо речь самой книги пойдёт о смертном грехе. Он, наряду с другими смертными грехами, является одним из самых сильных. Но так как мы — люди, мы и говорим, что этот грех страшен для нас. Подобно живому организму, он проникает в наши мысли, и даже наши действия становятся жадными. Желания воплощаются в реальность. Мы претворяем их в жизнь. Но порою мы задумываемся: а стоит ли оно того? Нужна ли была нам эта мечта, чтобы осуществить её? Жадность, подобно острым клыкам, впивается в нас, и мы уже не можем предотвратить подобные действия.

Но что, если она перерастёт во что-то большее, чем просто желание? Обладать чем-то настолько сильно, что готов идти по головам. Пока не доходишь до той самой точки. До завершения, когда дело сделано. И что с того, скажете вы? Я желал этого? Хотел? Но вот вопрос, который я готова вам задать: было ли ваше желание истинным? Истинно вашим? По-настоящему важным? Значимым для каждого вашего действия на пути к цели? И каждый ли миг приближал вас к ней? Но получили ли вы хоть что-то, когда дошли? Опыт? Смирение?

Стремясь получить то заветное, вы теряете самое главное, забывая о себе. О себе как о личности. Теряясь в своих же якобы желаниях, вы теряете и близких. Выдавая желаемое за действительное, вы теряете самое главное — себя.

Приятного чтения.

Сноски к книге:

Лансория — храмы, возведённые в честь Высших.

Высшие — прозванные существа, имеющие силу создавать, разрушать и изменять мир.

След-следы — остаточные явления в определённом месте в определённом промежутке жизни, материи, пространства или времени.

Проклятие — вид болезни. Проклятие накладывается на душу, и снять его невозможно. Подобную болезнь может наложить адепт или Высший.

Вступление

Идущий вперёд, как песок, не спешит,

Горюя, тоскуя, он покорит

Все блага времён, подчинятся ему.

Станет он бесконечным

В конце всех времён.

Яркие лучи солнечного света освещали могилу с гравировкой «Шарлотта». Она, подобно белому ангелу, раскинула руки перед всеми, кто приходил. А посетителей было двое. И один из них стоял там сейчас — одетый в чёрное, с бледной кожей и столь же холодным взглядом. Чёрные заострённые ногти и татуировки на руках в виде спиралей. Это было его проклятие — наказание, которое он получил от каждой живой души, что он обратил в пыль. Смоляные волосы, свисающая слева чёлка прикрывала часть глаза. Причёска была взъерошенной и опус-

калась до шеи. Скомканные и плохо расчёсанные. Виднелись заострённые уши. Рост был около ста шестидесяти восьми сантиметров. Ладони были шершавыми, выглядели крепкими и сильными.

Единственное, что отличало его от обычных людей, — это взгляд. Не просто взгляд, а чёрные белки и янтарные, словно кошачьи, глаза, смотрели на любое живое существо. И те в страхе сбегали от него. Внушая противникам лишь страх одним взглядом, Сэмюэль, как и обещал своему брату Тисту — а именно такие отношения у них остались после всего, что было в прошлом — обещал не вступать в неприятности. Он научился, как говорят: «Кто не может скрывать свои мысли, тому не быть властителем».

А своё обещание он держит всегда. Слово не воробей: вылетит — не поймаешь. А его слово на вес золота. Он уже давно перестал быть прежним капризным мальчиком и стал взрослым ответственным мужчиной. Когда-то он нёс в себе двоих: Сэмюэлем звали мальчика, чьё тело Марра когда-то взял себе. Но это уже в прошлом. Теперь они — одно целое, имеющее одно сознание и одну форму тела. Негодующий от злобы мужчина исчез, растворился в новой личности. Переродился, став тем, кто напоминает другим о своих ошибках.

Сэмюэль сидел здесь лишь потому, что сам этого хотел. Он хотел увидеть могилу той, кто его вырастила. Это было в воспоминаниях той личности, и он принимал это как свершившийся факт. Он стоял перед её могилой и понимал, что прошлого не вернуть. Как не вернуть и её улыбки.

У каждого живого существа есть свой огонёк, светлый и чистый. Этот самый огонёк после смерти каждого живого отправляется в мир перерождения для нового цикла жизни. Эти самые огоньки, подобно своим стремлениям и желаниям, идут по лестнице вверх. Их огоньки, их свет и эмоции — это то, что поддерживает баланс света и тьмы. Пошатнувшись в одну из сторон, баланс рухнет. А эмоции, которые они будут испытывать, будут питать как светлое Солнце, так и тёмную Луну. Так было в прошлом, но не сейчас. Но для чего же такая сложность? Тист, будучи тем самым разработчиком, посчитал, что каждое живое творение имеет право на существование. Но существование без цели не должно быть. Иначе жизнь будет потрачена впустую. Подобно ступенькам вверх, они будут теми, кто сможет победить самих себя. Преодолеть свои же границы. И воссоздать то, что будет иметь смысл для них самих.

Однако Сэмюэль играл в этом деле немаловажную, столь весомую роль. Он, подобно Церберу, восстанавливал баланс, наставляя расы на путь истины из самых глубин тьмы, в которую они опустились. Тьма всепоглощающая и холодная, как зимняя буря, пробирала до самых костей. Но лишь лучик солнца мелькнёт, и надежда придёт, тот свет, что осветит их путь во тьме, в сердце. И поможет выйти к светлomu, к доброму. Сэмюэль покажет глубины холода и отчаянья вашим умам и сердцам для того, чтобы вы грезили и стремились к свету. Показав тьму — зло и подобное — вы поймёте, каково это быть в доброте.

Стоя перед могилой женщины, кто его вырастила, он не мог и представить, что станет таким жалким, чьё сердце стонет от боли. Его сердце не могло противиться той несправедливости, что он сотворил своими руками. И пусть его тело прокляли все души, что он пожрал. И пускай его разум уже не будет тем, что прежде. Но сейчас здесь самый жалкий и самый пугливый — он. Плачущий, словно ребёнок, жаждущий, чтобы ручьи, текущие из его глаз, прекратились, жаждущий покаяния в объятиях единственной, кто его любила и отпустила так далеко, как только можно было. Неугасающее желание обнять её тело, помочь исцелить её болезнь. Словно покаяние было для него. Для того, кто уничтожил всё и не смог сохранить свою матушку. Несмотря на его желание появиться перед ней, она умерла, растворилась в его разуме и стала частью его же силы. Какие бы слова он ни подобрал, он у могилы без тела. Какие бы молитвы он ни произносил. Чувство вины гложет его. Боль терзает его тело и разум. Мысль, что именно он был тем, кто отнял её жизнь.

Прикрыв своей ладонью часть лица, нос, губы, он, словно ребёнок, прятал свои стекающие слёзы, ведь они не проходили. Причинить себе боль он не мог, да и смысла не было, если боли тело не ощущает. Стараясь хоть как-то сдержать свои эмоции, он присел на мягкую траву. Здесь, в чистом поле и под ярким голубым небом, стояла большая могила, посвящённая Шарлотте, матери двоих прекрасных детей. Сжимая свою волю в кулак, он готов был есть землю, лишь бы получить прощение у мертвеца, которого даже перерождение не вернёт к жизни.

— Никогда не видел, чтобы ты злился на самого себя, — сказал столь спокойный голос и медленно стал шагать к сидящему на земле мужчине. Только Тист хотел коснуться его плеча, чтобы утешить, но услышал громкие, злые слова.

— Не твоё дело, — буквально рыкнул тот, отталкивая мужчину от себя.

Но на подобную злобу блондин не стал реагировать так же. Он понимал, что вина, которую он будет нести на своих плечах, огромна. А изменить он ничего не сможет. И его агрессия доказывает то, что он испытывает это чувство. Но Сэмюэль не был тем, кто показывает свои эмоции всем. Он был скрытен, и всегда другие думали, что он не имеет страхов и волнений и ничего не боится. Но это было не так, он был подобен хрупкой вазе, что однажды уже разбилась. И, сложив вновь вазу, ты уже не сможешь воссоздать ту же самую. Её кусочки будут неполноценными. Но это лишь ваза. С личностью всё ещё хуже. Собрать её по кусочкам куда сложнее. Выглядеть всегда мужественным и сильным может каждый. Но вот в душе твоей, сможешь ли ты быть таким же? Боль от потери близкого поражает тебя, если ты виновен в происходящем. И каким бы сильным ты ни был, ты не сможешь вечно удерживать эмоции вины.

Тисту ничего не оставалось, как дожидаться, когда его приступ гнева и злобы прекратится. Сэмюэль ведь только как год-другой вышел из тюрьмы, в которой он был заточён на самый долгий срок, и выпущен в новую эпоху. Ту эпоху, когда весь мир забудет о содеянном. И эпоха настала, время, в которой помнят его чёрные белки и янтарные глаза, что является признаком несчастья и бед для каждого на любой планете. Они несут страх прошлого.

Тист, который был спокоен всегда, старался утешить Сэмюэля. В его глазах тот был как заблудившаяся овечка, что старалась идти на свет, исправиться, стать лучшей версией самой себя. И в этом он ему поможет. Не обманывайся его доброй и милой внешностью. Он не такой добрый и милый. Несмотря на своё доброе сердце, Тист мог и разозлиться, и гнев его сметал всё на своём пути и куда страшнее был, чем гнев Сэмюэля. Тист был тем, кто предпочитал решать вопросы делом и словом. Если дело доходило до крайности, приходилось менять всё грубой силой и создавать заново. Его предпочтение было выжидать и наблюдать. Видеть, как тот, кто разрушил всё до основания, оплакивал. Тист умело мог выждать возможности и знал, какие слова могут успокоить такое существо, как Сэмюэль.

— Шарлота поручила мне тебя. Ты был для неё самым дорогим и самым ценным, как любой сын для своей матери. Уверен, она будет жить в тебе с честью и достоинством. Её душа не угасает и поведёт тебя по пути любви и счастья, — тот, кто лил крокодилы слёзы и старался заглушить свою боль, услышав слова, словно воодушевился. Эти слова вселяли надежду на будущее.

— Ты так думаешь? — задал вопрос Сэмюэль и стал потихоньку вставать с колен, надеясь на то, что слова, что ему сказали, будут правдивыми.

Колыхающиеся листья травы заставляли задуматься над некоторыми вопросами. Тёплый ветерок был приятным. Запах зелени стоял в этом месте. Здесь царила сильная тишина, лишь голоса этих двоих были тут. Не было видно конца и края в этом прекрасном поле. Капельки осели на траву. И, шагая по полю босиком, ощущаешь капельки на траву. Вдыхая свежий воздух, ощущая тот запах дождя и травы, ощущаешь себя уже спокойнее.

— Истина, — добавил тот слово тот и улыбнулся так, чтобы на душе собеседника поднялось настроение. Его улыбка, пожалуй, могла успокоить любого. — У нас есть работа, ты же

не забыл о ней? — молвил мужчина, стараясь как-то отвлечь его от грустных мыслей. Работа порою лучшее лекарство. Держа его за плечо, тот уводил его от могилы, где Сэмюэль последние месяцы проводил, как ему казалось, в покаянии.

Идя вдоль поля в своей жёлтой кофте с двумя кленовыми листьями возле швов, которую ему когда-то связала Шарлотта. Его блондинистые волосы слегка завивались на кончиках. Кожа была смуглой, поскольку он часто бывал под лучами солнца и загорал. Тист прекрасно знал, что возможен иной исход переговоров. Сейчас внизу предстояло дело по рассмотрению одной планеты — Аншориан. Аншорцы, живущие на этой планете, были безмерными фанатиками и старались заставить и другие расы уверовать в их веру. Вот только она была искажённой и извращённой верой во вселенную, что убийство поможет вернуть каждую душу в цикл её перерождения. И ради этого они стали убивать цивилизации. Аншорцы считали, что цикл поможет им завершить нынешний переход и перейти в другой, более сильный, и это не так. Они убили цивилизации, отправив души на земли Аккасии, которые были восстановлены после всего, и там же обитали огоньки живых созданий. Жалобы на эту планету предоставил Дарион.

Дарион и занимался сбором всех душ умерших созданий. Он был тем, кто регулировал процесс жизни и смерти во вселенной. Ему подобное было подвластно. И угроза, исходящая от вида Аншорцев, была не просто каким-то страхом и паранойей. Подобно страху прошлого и убеждению новой веры вроде этой. Само прошлое, как осколок, остаётся на сердце у каждого, кто был включён в это прошлое. И даже спустя столетия это прошлое не стёрто до самого конца. Сейчас мир куда спокойнее, чем был тогда, когда были войны и разруха. Но даже в этом мире можно найти те самые недочёты и осколки.

Аншорцы выглядели как послушники храмов, имеющие цвета — белый, чёрный и зелёный. Имея рясы на своих одеяниях, они старались выдавать свою веру за правду. Ведь для них она была истиной. Но ложью для всех тех, кто слышал или видел те ужасы, что творили они. Бледные, имеющие чёрные круги под глазами и не имеющие волос на голове, имели некие шипы, что торчали из их позвоночника. Это в своей одежде они отчётливо показывали как особенность своего вида среди других. Их история и всё это было идеологией подчинения одной сущности, в которую они поверили, которой решили поклоняться и почитать как неоспоримое божество в этом мире.

Тист протянул руки, и появилась дверь на поле, а ключ к ней был лишь у самого хозяина. Стоило опустить ручку двери, и они оказались в другом мире и на другой планете. Это был такой способ перемещения для него и ему подобных существ. И ключи он дал лишь тем, кого посчитал достойным для этого. Находясь на огромной скале, оттуда можно было увидеть горы, а вокруг целое государство, и рядом с ним были такие же круги, внутри которых были другие города. В самом центре чёрное, как смоль, остриё — высокое здание невиданных размеров. Даже если эти двое спустятся вниз и пройдутся по улочкам города, их не увидят, ведь они смогут скрыть своё присутствие. Несмотря на то, что улочки чистые, деревья столь ухоженные и белые, мир напоминал чёрное и белое, где природа была белой, а здания — чёрными. Детишки были одеты в одежду священнослужителей и бегали свободно по улице. Город напоминал дорогу, вдоль которой всё было встроено. Стояли разные статуи, которые вызвали сомнения, в нормальном ли психическом состоянии были жители. Статуи показывали убийство одного над другим, доминирование расы. Некоторые статуи олицетворяли убийство матерью своих детей. От такого коробило даже Сэмюэля, который только поменял свою точку зрения.

— Не стоит так волноваться, — сказал в полуоборота желтоглазый и криво улыбнулся. — Я выполню свою работу злодея от начала и до конца, — на что ему в ответ пожали плечами.

Тист прикрыл глаза и выдохнул. Ему осталось наблюдать за происходящим. Хлопнув раз в ладоши, позади него появился мраморный белый трон, на котором было выгравировано

Солнце. Ничто так не отображает отца своих творений, как его трон, на котором он восседает в судный день своих детей. Ступая босыми ногами по этим землям, кара его была справедлива и страшна. Идя вдоль улочек, где были и дети, и взрослые, Тист присел на свой трон и внимательно наблюдал за событиями. Родители шептали своим отпрыскам, что есть их вера и сила в единого создателя. Их вера будет одна во всём мире. И каждый подчинится ей. Шепча подобное своим детям, они и не догадывались, что кара настигнет их столь быстро.

Сэмюэль шёл медленно к самому центру города, где стоял их храм, их святилище. Его чёрный плащ развевался на ветру, на нём не было рукавов, это для того, чтобы видеть его грешные руки, на которых отобразились татуировки из душ тех, кого он поглотил. Все они хоть и вышли из него, но проклятие оставили. Самое мощное и самое страшное нарекло его на одиночество, скитаться в этом бренном мире и видеть гибель всего, что ему дорого. Чёрный плащ развевался на ветру, а чёрная длинная юбка была одета на штаны. Это была не одежда, всё это была его чёрная пыль, его сила, которой он мог управлять и разрушать, окутывая всё в округе. Шаги становились всё тяжелее и тяжелее, а сам он замедлялся, слышал всё, что говорили эти создания, и видел всё, что было не по нраву. Убийства, убийства и ещё раз — убийства. Мужчина остановился на ступеньках прямо перед этим самым храмом. Сжимая волю в кулак, тот осматривал всё своим взором. До той секунды, пока не пожелал, чтобы его увидели.

Тист наблюдал сверху, пристально следя за гибелью нации. Ему не хотелось рушить столь прекрасный мир, но их идеология убивала всё. Лучше пресечь это сразу, чем вновь наблюдать гибель всего. Успех возможен всегда, даже если шансы на него малы. Чёрные, подобные песку, песчинки стали разлетаться по каждой улочке. Каждый, кто дышал в этом городе, исчезал в песках времени, стёршись из этого мира, словно никогда и не рождался. Песчинки разносились повсюду, и тьма поглотила это лучезарное место. С помощью своего песка Сэмюэль мог разрушать пространство и время, само мироздание и суть жизни, словно её и не существовало. Он мог разрушить всё до атомов — будь то живое существо или неодушевлённый предмет. Эта сила стала бы угрозой даже для Тиста, управляющего созиданием: он мог бы в мгновение ока отнять всё живое в мире, но не способен воссоздать вновь. Тист опасался бы его, если бы не вернул того в чувство. Но прошлое остаётся в прошлом, а жизнь, подобно ручью, неумолимо течёт вперёд.

Город стал разрастаться, словно само время пришло в эти земли, отнимая саму жизнь. И обратно это время не вернуть вспять. Каждый кирпичик, каждый камушек — всё возвращалось на круги своя. Деревья и птицы — всё возвращалось в свою изначальную форму. Изначальную полностью, разрушенную до самого основания. Камни исчезли, живые создания тоже. И лишь спустя пару часов города стали опустевшими, и каждый, кто жил на этой планете, полностью исчез. Тист смотрел за тем, как исчезала цивилизация, и молча наблюдал. Чёрный туман, подобно пескам времени, отнимал всё живое. Однако сила Сэмюэля работала и в обратную сторону, если тот пожелает воссоздать что-то. Но создания его не будут такими, как создания Тиста.

Внезапный гость потревожил наблюдение Тиста. Тот зрел с большим интересом. Пожалуй, как создатель, но не мог поднять руки на свои творения. Вспомнилась его Мирра. Не было и дня, когда он не сожалел о том, что решил наказать её. Однако раздумья прервал голос Дариона.

— Какое мастерство разрушения, — утвердительно сказал голос. Блондин перевёл взгляд на мужчину, одетого в белый костюм, который носили люди на Земле. С чёрным воротником. В руках была трость. Он так же смотрел заворожённо за исчезновение этой цивилизации.

— Пожалуй, тебя тут и не хватало, Дарион, — произнесло Солнце, улыбаясь. — Уверен, ему понравился подарок, который он обнаружил в этом маленьком святилище, — будучи довольным, он видел, как почти исчезли все, и в самом центре стоял Сэмюэль на месте исчезнувшего города. Ему ещё предстояло почистить несколько планет, на которые отправились эти

создания на своих летательных аппаратах. Но это была лишь формальность. А сейчас он держал в руках книгу — дневник Олбана Сэмюэля «Чёрное сердце».

Сказать, что он был удивлён, — это ничего не сказать. Ведь дневник был написан Олбаном. Кто он такой и почему написал неправдивую историю о нём? Вопросов было много, но не ответов.

— Только посмотри на его удивлённое лицо, — молвил златовласый, прикрывая своё лицо и лукаво улыбаясь. Сказал бы он ему, что эти существа возвели его в боги, было бы интересно узнать его реакцию.

Давным-давно, сто лет назад, в организации Чёрной Розы жила семья исследователей, имевшая огромное влияние. Имея лишь кровь Высших, они исследовали и воссоздали множество того, что было запрещено во вселенных. Однако самое большое создание-детище были семь дневников. Фамилия того, кто написал, была Олбан, звали его Айзек. Он написал семь книг о семи существах, имеющих огромное влияние на этот мир и тех, кто создаёт его. Его же предки некогда написали две книги о Мирре и Марре. Чёрная Роза решила, что таким образом это поможет будущей организации умертвить тех могущественных сущностей, с одной целью — выйти из их тени и стать свободными, и посчитали, что эти книги будут лучом надежды для организации. Однако они не учли одну маленькую истину: что эти так называемые дневники в будущем будут превозносить этих сущностей, и к ним будут относиться как к Высшим созданиям в мире. Но и истинная цель этих дневников будет проста — уничтожить Высших. То, что было описано, — малая часть их возможностей. И больше половины окажутся фантазиями самого автора, имеющими под собой какие-то обоснования в виде исследований. Но по факту ничего.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.